

УДК 71.05
ББК 83.3

*Людмила Васильевна Камедина,
доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru*

Забайкальский текст в русской культуре

В статье впервые ставится вопрос создания Забайкальского текста как текста русской культуры. Определяется основное направление изучения подобного локального текста культуры. Выявляются важные акценты Забайкальского текста и способы его языкового кодирования. Пространство и время Забайкальского текста представлено в поэтической культурной картине мира забайкальских писателей, учёных, публицистов. В разных жанрах они создают открытый текст в локальной словесной культуре, который никогда не может быть завершён, потому что соотнесён с мирами других забайкальцев, причастных этому миру. Локальный текст Забайкалья аккумулирует духовные смыслы забайкальского, русского, мирового структурно-семантического поля и формирует культурную модель Забайкальского текста «окраинной земли», «глубинной Азии», зеркала мирового пейзажа. Забайкалье через культурные знаки, мифопоэтику и геопозетику словесности превращается в символ русской культурной жизни для мира. Забайкалье с его языком, кодами, смыслами, пространством входит в культурную жизнь человека и становится структурно-семантическим образованием. Между человеком и пространством складываются экзистенциальные отношения. Осваивая место, человек преобразует его, исходя из норм своего языка и культуры, он организует своё место символически, приобщает к культуре немой ландшафт. Данная статья не претендует на исчерпанность темы Забайкальского текста в русской культуре, но является попыткой поставить вопрос создания такого текста.

Ключевые слова: Забайкальский текст, знаки культуры, семиотические коды, мифопоэтика, геопозетика, зеркало мира.

*Lyudmila Vasilyevna Kamedina,
Doctor of Culturology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru*

Transbaikalian Text in the Russian Culture

The article raises the question of Transbaikalian text creation as a text of the Russian culture. The author identifies important accents of Transbaikalian text and methods of its linguistic coding. Space and time of Transbaikalian text are presented in a poetic cultural picture of the world of Transbaikalian writers, scholars and publicists. In different genres they create open text in the local verbal culture, which can never be completed because it correlated with other Transbaikalian worlds involved in this world.

Local text of Transbaikalia accumulates spiritual meanings of Transbaikalian, Russian, global structural-semantic field and generates a cultural model of Transbaikalian text as a «marginal land», «deep Asia», the mirror of the global landscape. Transbaikalia through the cultural signs, myth-poetics and geo-poetics of literature is turned into the symbol of the Russian cultural life for the world. Transbaikalia with its language, codes, meanings, spaces comes into cultural human life and becomes a structurally-semantic form.

Existential relations are developed between man and space. Mastering the place, person transforms it based on the standards of his language and culture, symbolically organizes place, and attaches the mute landscape to culture. This article does not pretend to exhaustion of the theme of Transbaikalian text in the Russian culture, but it is an attempt to raise the question of such a text creation.

Keywords: Transbaikalian text, signs of culture, semiotic codes, myth-poetics, geo-poetics, mirror of the world.

В последнее время одной из популярных научных тем становится тема «локального текста». В культуре развёртывается провинциальный бум, идёт поиск малых, локальных идей, ставится вопрос самоидентификации. Данная статья не претендует на исчерпанность темы Забайкальского текста в русской культуре, на это потребуется время, но статья является попыткой поставить вопрос создания такого текста.

Первым исследователем-культурологом в этом направлении стал В. Н. Топоров, который разработал критерии важных акцентов в художественной культуре особого Петербургского текста на основе способов языкового кодирования его основных составляющих [12]. Вслед за работой В. Н. Топорова стало формироваться направление по изучению семантики и структуры локальных мест России и мира. Первые шаги в этом направлении сделали исследования А. Н. Давыдова о семантике Архангельского текста, И. А. Разумовой о Петрозаводском тексте, Е. В. Милюкова о евразийском коде Челябинского текста, В. В. Абашева о Перми как тексте, Н. В. Осиповой о Вятском контексте русской культуры, А. П. Люсого о Крымском тексте как отражении Петербургского текста, а также работы о Лондонском, Итальянском и др. текстах [3]. Впервые в данной статье в культурологический оборот вводится понятие Забайкальского текста, который будет рассматриваться как структурно-семантическая категория локального пространства русской культуры. Забайкальский текст предполагает мифологическое, литературно-художественное, публицистическое, научное функционирование в сознании общества. Забайкалье с его языком, кодами, смыслами, пространством входит в культурную жизнь человека и становится структурно-семантическим образованием. Между человеком и пространством складываются экзистенциальные отношения. Ю. М. Лотман призывает отойти от «назойливой привычки видеть мир в его бытовых очертаниях» и научиться видеть вещи как слова [9, с. 297]. Забайкальский текст представлен в многообразии речевых жанров: летописей, стихов, прозы, публицистики, жизнеописаний, научных статей, надписей на иконах.

Забайкалье в Забайкальском тексте русской культуры представляется не физической землёй, а структурно-семантическим образованием, категорией русской

культуры, осмысливающей землю. Осваивая место, человек преобразует его, исходя из норм своего языка и культуры, он организует своё место символически, немой ландшафт приобщает к культуре. Именно культура перестраивает и трансформирует пространство земли, наделяет его структурой и смыслом. Как результат рождается новая реальность места.

Парадигма Забайкальского текста выглядит так же, как выглядит любой локальный текст в русской культуре: миф о возникновении – рай земной – сакрализация пространства – Мировая гора – Первопоэт – культурные типы. Забайкальский текст начинается с мифа о возникновении Земли за Байкалом. Забайкальские поэты, писатели, учёные часто ссылаются на работы академика В. А. Обручева и Э. Зюсса, которые открыли древность происхождения байкальской земли, описывая Забайкалье как первичный участок земной коры, где остаются выходы наидревнейших пород земли, поднявшихся раньше всех и положивших здесь начало расширения гигантского материка Азии [10, с. 946–951]. «Древнее темя Азии» появилось из глубины океана сразу после Потопа – это было Забайкалье. Писателям и поэтам забайкальской земли нравится это учёная версия, они её мифологизировали и каждый по-своему передавали в своих сочинениях. В качестве примера можно привести творчество Михаила Вишнякова, который мифопоэтическим языком наделяет Забайкальский текст смысловыми кодами, встроенными во вселенскую структуру возникновения Земли. Забайкалье для Вишнякова – это древнейшая «глубинная Азия», «таинственная Даурия», это «огромные древние неподвижные, сонные пространства азиатской земли», это азиатские степи, в которых ничего не происходит – «струится меж пальцев всемирный песок устало и мерно», «время вечную пряжу прядёт». В забайкальской тайге «запахи резки и дики, вереск удушлив», «тяжёлые смолы». Культурно-поэтический мир древней Даурии заполняется «древними кочевьями», «хмурыми сопками», «ржавыми курганами». В мифе культурно-исторический факт семиотизируется и включается в коммуникативные процессы как элемент текста или кода. Процесс смысловой культурной самоидентификации для такого автора, как М. Вишняков, связан с осознанием национальных особенностей своей культу-

ры, а также с включённостью её в мировую культуру. Работы австрийского учёного Э. Зюсса о «древнем темени Земли» подтверждают вхождение Забайкалья в мировой геологический интерес. Забайкальский культурно-поэтический миф о происхождении перерастает только краеведческий интерес и стремится найти «код Забайкалья», характерный для нынешней ситуации как симптом изменившегося отношения локального мира к месту своей культурной жизни. Забайкалье может заявить о себе миру как о начале Земли – «откуда есть пошла русская земля», а дальше, перефразируя Нестора Летописца, сказать «и кто перее нача её воспевати».

Первыми сообщили миру о Даурской земле как рае земном русские летописцы. Земля Даурская издавна привлекала русского человека. В Древней Руси ходили слухи о сказочно богатых землях на Востоке. А. М. Панченко рассказывает, как целые семьи, деревни срывались со своих мест и устремлялись на восток в надежде обрести «рай земной». Побег в Даурию были так часты, что сибирским воеводам было приказано ловить беглецов, заставляя их целовать крест на том, чтобы им «в Даурскую землю не съезжать» [11, с. 171]. Репрезентируемые ценности и смыслы древней славянской культуры и древнего востока в современное бытие находят отклик в поэзии М. Вишнякова. Он транслирует духовные смыслы культурного мира Даурии, этого перекрёстка древних и новых цивилизаций. Одну из поэм он называет «Даурское лето», а один из сборников – «Даурский трилистник».

Освоение культурного пространства связано с его сакрализацией. После мифа о Даурском рае первым сакрализованным пространством становится Иргень. Это место первого забайкальского острога, первой церкви и место захоронения первых мучеников забайкальской земли, которые, подобно первым русским святым Борису и Глебу, освятившим всю Русскую землю своей жертвенной кровью, стали первыми жертвами, положенными для крепости в основание будущей постройки – Забайкальского края. Иргенские казаки, новгородско-енисейские по происхождению, распространяют Иргень как инициальный текст Забайкалья. Святые иргенские мученики выводят Забайкальский текст в широкое пространство Сибири, они запечатлены на иконе Сибирских свя-

тых, находящейся в Новосибирском кафедральном соборе. Помимо Иргени следует указать сакральные пространства Урлукского монастыря в Чикойских горах, на границе с Монголией, где пребывал святой Варлаам Чикойский, который почитается не только в Забайкалье, но и в Нижегородской земле, откуда он родом. Текст с его жизнеописанием и иконы распространяются по всей России. Включённые в Забайкальский текст святые Иннокентий (Вениаминов), Ефрем Селенгинский, царь-страстотерпец Николай с убиенной семьёй, Елизавета (Романова), врач Лука (Войно-Ясенецкий) и другие, являются культурными типам, сакрализирующими культурный ландшафт древней Даурской земли [6]. Они вводят Забайкалье в парадигму Священной истории. Через святых, побывавших на забайкальской земле, трудами и подвигами прославившими её, связывается также и представление о просветительстве далёкого края, о борьбе истины с заблуждениями. Исходное локальное значение Забайкалья у святых расширяется и обогащается многообразными семантическими коннотациями и приобретает разветвлённую семантическую структуру. Святые сообщают Забайкальскому тексту сакральность и делают его семантические компоненты устойчивыми. Развиваясь и трансформируясь, они вступают в связи с новыми значениями и существенно влияют на формирование культурного самосознания края. Забайкалье осознаёт себя в перспективе преемственной связи с миссией святых, центром духовной жизни и просвещения. Черты этой культурной интенции обнаруживаются в иргенском тексте, в первых свидетельствах культурного самосознания края.

Художественное пространство мифопоэтического текста организовано Мировой горой. Есть такие горы в Иерусалимском, Византийском, Римском, Московском и многих других текстах. Мифологическая функция Горы заключается в том, что она воспринимается как образ мира, в котором отражены все его основные элементы. Гора находится на оси мира, а её основание называется «пуп земли». Мировая гора трёхчлена: небо, земля, человек. В русских летописях имеются многочисленные сообщения о поклонении горам. Вокруг горы формируется этнос. «Текстуальная революция» в русской культуре отличается тем, что каждый региональный текст представляет

собой не узко местную точку зрения, а попытку концептуального выговаривания через себя всей России. Забайкальский текст представил России и миру свою Мировую гору – Водораздельную, так её называли географы. Затем она получила название в честь первого исследователя Яблонового хребта П. С. Палласа (1741–1811) и стала именоваться горой Палласа. Это водораздельная гора, высотой 1236 м, единственное место в мире, на котором находится точка сочленения бассейна трёх крупнейших мировых рек: Амура, Лены, Енисея. Именно из этой горы растекаются ручьи Кадалы, Хара-Кадалы, Грязнухи, впадающих в забайкальские озёра Кенон, Иван, Арахлей, а затем через вытекающие из них реки несут свои воды в три моря – Лаптевых, Охотское и Карское, которые формируют великие океаны: северо-западные – Ледовитый и Атлантический, а юго-восточные – Тихий и Индийский. Пространство Великого Истока воспето в научной, публицистической, песенной литературе (Т. Жалсарайн, Ф. Кренделев, Л. Коптелов, К. Шлямов) [7]. Находясь в этой точке в пору таяния снега, можно увидеть редкую картину: отсюда воды растекаются на три стороны. В природе многое устроено по принципу триединства. Здесь в Забайкалье есть ещё одна точка триединства/трёхграничья России – Китая – Монголии. Изучением этого триединства сейчас занимаются забайкальские учёные. Текст может быть понят только при условии прочтения локального геокультурного контекста. Специфику мифопоэтики возможно оценить при соответствующем описании географического ландшафта и созидющего этот ландшафт мифа.

Забайкальский текст созидается Мировой горой, речками, озёрами, морями и океанами, горами-границами, разделяющими миры запада и востока, ковыльными степями с точкой пересечения трёх мировых пространств. Художественное пространство не идентично реальному пространству. Художественное пространство – это модель мира автора. Обновлённая картина мира, создаваемая текстами культуры, приобретает многомерный характер, так формируется локальный текст культуры, который определяет наше восприятие, видение места и отношение к нему. Культурологическая цель исследования географии России – это поиск оси, от которой можно выстроить культурный чертёж страны. В

результате появления текстов, рефлексирующих путешествия, возникла дисциплина геопозитика. Геопозитика призвана раскрыть пространство в слове: от скупых энциклопедических сообщений до образно-поэтической культурной картины. Локальная география Забайкальского текста представлена в поэтических картинах М. Вишнякова, О. Димова. Последний является ещё и геологом. Геопозитика Вишнякова и Димова осмысливает культурно-образную географию пространственно. Забайкалье «упаковывается» ими в геопозитические образы, как в путевой чемодан, и становится компактным, локальным любимым текстом. Топонимы Забайкалья определяют место, его границы, мировые точки, стыки границ и одновременно наращивают духовные смыслы. Оригинальность взгляда М. Вишнякова состоит в том, что поэт смотрит на русскую жизнь из «глубинной Азии», из «таинственной Даурии», где «переплывались» многие культурные традиции: восточные, русские, западные, а Забайкалье представлено центром Евразии. Русское культурное бытие репрезентируется в культурный мир «окраинной земли», казалось бы, далёкой, но в то же время, близкой и родной. Культурная память М. Вишнякова сохраняет ценности и смыслы русских народных традиций. Прежде всего, это любовь к родной земле, гордость за великое прошлое, за славные победы; это и воспевание красоты земли, добрых дел и русского терпения. В поэме «Даурское лето» М. Вишняков поэтически воссоздаёт образ мироустройства забайкальского культурного типа – даурского кочевника: неторопливое течение его жизни, созерцательность как свойство характера, его думы о вечном, его гостеримство, всегда горящий очаг, «тишину ночи», «сонного ягнёнка» и Будду в изголовье. Мятёжная душа культурного героя находит в «глубинной Азии» покой [2, т. 2, с. 120]. О. Димов поэтически вписывает Забайкалье в пейзаж карты мира: «Если смотреть на мир с вершины этой сопки, кажется, что именно отсюда стекает, образуясь, лесистое всхолмленное Забайкалье. Расплёскивается во все стороны высокими волнами хребтов, между которых, в затишьях, укрылись покойные степи на юге, а на севере – елани да мари. Ближний север – малый, а ведь спрячь там какую-нибудь страну Лапландию вместе с её оленным народом лопалями, и не найдёшь днём с огнём. Вот они

какие, Тунги́ро-Оле́кминские дали <...> А если исполниться дерзости и шагнуть ещё севернее, где зелёные волны тайги уже не катятся вольно и широко, образуя горы и долины, а взметнулись и застыли валами хребтов, на которые тайга уже не в силах взойти<...> Ум, сокрушённый невиданной красотой каньонов и водопадов, ледниковых озёр и альпийских лугов, ослеплённый сиянием снегов на вершинах, неверяще воскликнет: ужель и это – Забайкалье?» [5, с. 218–219]. Забайкалье представляется в геопоэтике Вишнякова и Димова перекрёстком направлений, дорог, ветров, традиций, судеб, истории. Забайкальский текст возможен как результат двойного видения: место рождения русского писателя и граница пересечения культур.

В свой проект культурного бытия М. Вишняков включил духовные смыслы Даурской земли, которые оказались не чужеродными общерусским смыслом, а органичными им. Забайкалье выполняет роль «срединной земли». Оно – буфер между Россией и «глубинной Азией», пограничная земля, окраина Руси. Из Забайкалья уходили на восток последние русские – «люди белой идеи». Навсегда покидая Родину, они уносили в своём сердце запахи полыни, шум берёз, дым кочевий, образ «синей степи». Любовь к Родине у русских казаков начала XX в. была точно такой же, как у русских-эмигрантов, покидавших родную землю и уезжавших на запад. Духовные смыслы и духовная сущность русской жизни не изменились с веками. Меняется исторический антураж, сменяют друг друга цивилизации, трансформируются идеи, но духовные смыслы бытия народа транслируются по каналам русской мысли, освоенной по словесным кодам русской культуры. Тексты М. Вишнякова, О. Димова – трансляторы смысловой репрезентации в русской культуре.

Таким образом, и точка мирового водораздела, и точка трёх границ, и особый, напоминающий мировой, ландшафт Забайкалья, приближает Забайкальский текст к другим цивилизациям и обозначает в нём свой Центр мира.

Исследователи локальных текстов как текстов культуры делают акцент на таком важном элементе, как первопоэт. Первопоэтом Забайкальского текста можно назвать протопопу Аввакума. Он – родоначальник описания далёкой Даурской земли. Для него она – «страна варварская», где «силь-

ные морозы» и «немирные иноземцы», правда, «изобилие рыбы» в озёрах Иргень и Шакша [8, с. 43–50]. Аввакум в созданной им картине мира – выразитель и представитель общекультурной динамики России с русских традиций в сторону западноевропейских, со старообрядческих на новорусские. Протопоп отразил общероссийское движение с запада на восток (освоение земель) и с востока на запад (латинизация русской культуры). Аввакум – первопоэт, воюющий с Забайкальским текстом. Певцом же Забайкальского текста стал поэт Фёдор Бальдауф.

Ф. И. Бальдауф родился в Забайкалье, окончил Петербургский Горный кадетский корпус и вернулся в Нерчинский Завод не только горным инженером, но и поэтом. В Петербурге в Вольном обществе любителей российской словесности, где Бальдауф читал свои стихи, он встретился с поэтами Пушкиным, Глинкой, Рылеевым, Бестужевым-Марлинским и др. Поэтическое сообщество одобрило его стихи. Бальдауф был романтиком. Он романтизировал забайкальскую жизнь, природу, традиции бурят, тунгусов. Бальдауф оставил поэтическое описание Шилки, Нерчинского Завода, Борзи. В топонимическое поле текстов входят соляное озеро Дабасу-Нор, река Онон-Борзя, сопка Буха на берегу Онона. Тексты Бальдауфа представляются географически единым ландшафтным пространством и временем. Его поэтические тексты имеют эмоциональное воздействие на адресата и закрепляют мифоромантическую форму сознания в обществе.

Бальдауф поставил Забайкальский текст в знак «окраины мира». С одной стороны, он любил свою малую родину, а, с другой стороны, он рвался в Петербург, т. к. в Нерчинском Заводе его всё раздражало. Стихотворения «Вечер на берегу Байкала», «К бурятке», «Шаманка», поэмы «Кавиту и Тунгильби», «Авван и Гайро» делают Бальдауфа забайкальским поэтом и одновременно соединяют его с Центром, с общероссийской литературной романтической традицией [1]. Через романтическое слово Бальдауф реализовал Забайкальский текст в русской культуре.

Тексты, в которых наиболее выразился опыт взаимодействия природного ландшафта и творческого воображения – это творчество забайкальских писателей М. Вишнякова и О. Димова. К ним можно

присоединить плеяду забайкальских авторов, которые составят целостный текст Забайкалья: Г. Граубина, Е. Куренного, В. Вьюнова, Б. Макарова и др.

М. Вишняков определяет пространство и время Забайкальского текста в его дальнейшей перспективе, идущей из «глубин Азии», и ближней перспективе современной поэту забайкальской и российской действительности. Поэтическое выражение «глубинная Азия» – это точка отсчёта Забайкальского текста Вишнякова. Поэт создаёт его ландшафт, он состоит из «таёжного многоцветья», «белизны берёз», «голубых студёных рек», «табунных терпких выюжных степей», «сине-зелёных озёр», ручьёв, протоков, «длинных дорог», «хмурых сопкок». Ландшафтное пространство заселено «дикими табунами», «бурятскими юртами», охотниками, рыболовами, поэтами. Взгляд на Забайкалье у Вишнякова – это взгляд охотника и кочевника, который всё время в дороге: в тайге, степи, на реках и озёрах, в сопках и горах.

Забайкалье представлено в текстах Вишнякова в разное время года через запахи, которыми наполняется таёжный воздух, через звуки звенящей ключевой воды, птичьего хора, топота табунов, через цветопись тайги, полей, лугов, степей, сопкок и через ощущения, через поток сознания поэта.

М. Вишняков точно и ёмко выразил состояние забайкальского поэта: «Поэт в Забайкалье – кочевник». Перефразируя А. Григорьева, он выявил главную составляющую Забайкальского текста: «Дорога – это наше всё». Вместе с О. Димовым и врозь М. Вишняков объездил всё Забайкалье. Культурный мир его поэзии и прозы – это бесконечная череда поездок, путешествий. Геопэтика О. Димова вводит Забайкалье в мировое пространство географических стереотипов: «Названия известных земель рождают навязчивые образы: Кавказ – вершины во мгле, Карелия – озёра, Камчатка –

вулканы, Чукотка – тундра, Альпы – пасторальные открытки <...> Выразить каким-либо одним образом или представлением Забайкалье – невозможно, потому что оно вобрало в себя картины, ландшафты, пейзажи всей России» [4, с. 185]. В культурном мире О. Димова авторский повествователь – это геолог, землепроходец, охотник, путешественник, т. е. герой, не сидящий на месте, а созерцающий и создающий красоту окружающего неповторимого забайкальского чудесного мира. О. Димов создаёт открытый текст в забайкальской словесной культуре, этот текст не завершён и никогда не может быть завершённым, пока он соотносён с мирами других забайкальцев, причастных этому миру.

Культурно-поэтические миры М. Вишнякова и О. Димова аккумулируют духовные смыслы забайкальского, русского, мирового структурно-семантического поля и формируют культурную модель Забайкальского текста «окраинной земли», «глубинной Азии», зеркала мирового пейзажа. Эта культурно-поэтическая модель не остаётся в состоянии покоя, внутри неё сохраняются, зреют, затухают исторические идеи. Духовные смыслы забайкальского бытия то поглощаются «глубинной Азией», то растворяются в русской Даурии, то отступают на запад.

Неведомое в мире Забайкалье через культурные знаки, мифопоэтику и геопэтику забайкальских писателей, поэтов, культурных деятелей, учёных превращается в символ русской культурной жизни для мира. Их творческое воображение преобразует забайкальский ландшафт, ваяет его по образу и подобию символических форм культуры. Идея о конструктивной силе творческого воображения, которое вносит свои символические структуры в реальность, является основной в исследовании о Забайкальском тексте как локальном тексте русской культуры.

Список литературы

1. Бальдауф Ф. И. Литературные сочинения. Чита: Поиск, 2008. 160 с.
2. Вишняков М. Е. Стихи и поэмы: в 2 т. М.: Русь, 2005.
3. Давыдов А. Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Культура русского севера. Л.: Наука, 1988. С. 86–99; Разумова И. А. «... Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 324–334; Милюков Е. В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 347 – 361; Абашев В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь: Пермский универси-

тет, 2000. 404 с.; Осипова Н. В. Вятский текст в культурном контексте // Бинобль. Вятский культурный журнал. 2002. № 16.– <http://www.binoklvyatka.ru/TITLES/index.htm>; Люсьи А. П. Крымский текст в русской литературе. М.: Алетейя, 2003. 314 с.; Прохорова Л. С. Лондонский текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005 и др.

3. Даурское диво. Чита: Поиск, 2007. 256 с.
5. Димов О. А. Слово о земле // Даурское диво. Чита: Поиск, 2007. 256 с.
6. Духовная летопись Забайкалья: информационное издание / авторы и сост. С. М. Авдеев, Л. В. Камедина [и др.]. Екатеринбург: Екатеринбургская епархия РПЦ; Чита: Читинская и Забайкальская епархия, 2009. 456 с.
7. Жалсарайн Т. У. Точка Великого раздела // Забайкальский рабочий. 1977. 19 января; Кренделев Ф. П. Исток трёх великих рек // За науку в Сибири. 1984. 7 июля; Даурское диво. Чита: Поиск, 2007. 256 с. и др.
8. Житие Аввакума и другие его сочинения. М.: Советская Россия, 1991. 368 с.
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
10. Минина Е. Л. Из России в Австрию и обратно: переписка Э. Зюсса и В. А. Обручева // Вестник РАН. Т. 76. 2006. № 10. С. 946–951.
11. Панченко А. М. Русская история и культура. СПб.: Юна, 1999. 520 с.
12. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.

References

1. Bal'dauf F. I. Literaturnye sochineniya. Chita: Poisk, 2008. 160 s.
2. Vishnyakov M. E. Stikhi i poemu: v 2 t. M.: Rus', 2005.
3. Davydov A. N. Arkhangel'sk: semantika gorodskoi sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta // Kul'tura russkogo severa. L.: Nauka, 1988. S. 86–99; Razumova I. A. «... Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko» (Petrozavodsk v literaturnykh i ustnykh tekstakh XIX–XX vv.) Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'. M.; SPb.: Lan', 2000. S. 324–334; Milyukov E. V. Chelyabinsk: okno v Aziyu ili krai obratnoi perspektivy // Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'. M.; SPb.: Lan', 2000. S. 347 – 361; Abashev V. V. Perm' kak tekst: Perm' v russkoi kul'ture i literature KhKh v. Perm': Permskii universitet, 2000. 404 s.; Osipova N. V. Vyatskii tekst v kul'turnom kontekste // Binokl'. Vyatskii kul'turnyi zhurnal. 2002. № 16.– <http://www.binoklvyatka.ru/TITLES/index.htm>; Lyusy A. P. Krymskii tekst v russkoi literature. M.: Aleteiya, 2003. 314 s.; Prokhorova L. S. Londonskii tekst russkoi literatury pervoi treti XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005 i dr.
3. Daurское divo. Chita: Poisk, 2007. 256 s.
5. Dimov O. A. Slovo o zemle // Daurское divo. Chita: Poisk, 2007. 256 s.
6. Dukhovnaya letopis' Zabaikal'ya: informatsionnoe izdanie / avtory i sost. S. M. Avdeev, L. V. Kamedita [i dr.]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya eparkhiya RPTs; Chita: Chitinskaya i Zabaikal'skaya eparkhiya, 2009. 456 s.
7. Zhalsarain T. U. Tochka Velikogo razdela // Zabaikal'skii rabochii. 1977. 19 yanvarya; Krendelev F. P. Istok trekh velikikh rek // Za nauku v Sibiri. 1984. 7 iyulya; Daurское divo. Chita: Poisk, 2007. 256 s. i dr.
8. Zhitie Avvakuma i drugie ego sochineniya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1991. 368 s.
9. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 464 s.
10. Minina E. L. Iz Rossii v Avstriyu i obratno: perepiska E. Zyussa i V. A. Obrucheva // Vestnik RAN. T. 76. 2006. № 10. S. 946–951.
11. Panchenko A. M. Russkaya istoriya i kul'tura. SPb.: Yuna, 1999. 520 s.
12. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. M.: Progress – Kul'tura, 1995. 624 s.

Статья поступила в редакцию 28.03.2014